

J. T. Koch. Tartessian: Celtic in the South-West at the dawn of history (Celtic studies publication XIII). Aberystwyth: Centre for advanced Welsh and Celtic studies, 2009. 173 p.

Новая книга известного кельтолога Джона Кука¹ (в настоящее время – профессора Центра Валлийских и кельтских исследований Университета Уэльса, Аберистуит), говоря коротко и просто, является описанием большого научного открытия. Это не изложение новой гипотезы или теории, не предложение новой интерпретации старых данных или новой терминологической системы, а именно – открытие, поскольку автор претендует на то, что он открыл новый древний индоевропейский язык – тартессийский – и доказал, что этот язык относится к кельтской группе. Но радоваться рано.

¹ Фамилия произносится так!

Теоретически (но только теоретически!) мы с легкостью можем и, более того, должны предполагать в относительно далеком прошлом существование на территории Евразии некоторого количества индоевропейских (а также – алтайских, уральских и пр.) языков, которые не оставили после себя ни языков-потомков, ни письменных свидетельств. Нам известно огромное количество языков, от которых осталось лишь ограниченное число памятников эпиграфики, на наших глазах постоянно происходит процесс «умирания» так называемых миноритарных языков и вытеснения их другими, как родственными, так и нет. Но вполне логично было бы предположить, что аналогичные процессы имели место, например, на территории Европы

в периоды, предшествующие распространению там письменности (не совсем ясная атрибуция археологических данных, свидетельствующих о сложности путей миграции и.-е. племен и их постоянных контактах как между собой, так и с представителями других языковых семей, казалось бы, также подтверждает данное предположение). На самом деле – все оказывается не так, и если, например, каждый германист знает о существовании готского языка, не оставившего потомков, и неизменно учитывает в своих реконструкциях готский языковой материал, сохранившийся в переводах Ветхого и Нового Завета, предположить существование на более ранних этапах дивергенции протогерманского еще каких-то аналогичных тупиковых ветвей кажется для него странным, фантастическим, да и просто – ненужным. И в общем это можно понять: классификация языков внутри одной семьи, построение «древ родства», высчитывание глубины распада диалектов – все это делается на базе заданного и ограниченного числа языков, и искусственное введение в эти системы новых элементов неизбежно приведет к их разрушению или хотя бы – серьезному пересмотру. Новые «незаконные» родственники здесь окажутся явно лишними, причем – как на уровне группы, так и на уровне семьи и даже – макросемьи. Так, например, попытки Г. Витакера реконструировать «новый» древний и.-е. язык, который сохранился лишь в ряде заимствований в шумерском и который он назвал «евфратским» (см. [Whittaker 1998]), вызвали резкое осуждение индоевропеистов, увидевших в его трудах «постройку хрупкого карточного домика» [Vanséverin 2008: 380].

Как это ни странно, при этом, как правило, легко допускается существование на территории той же Европы разнообразных доиндоевропейских субстратных диалектов, атрибуция которых часто не проводится вообще, либо проводится «гадательно», и которые обычно охотно признаются языками-изолятами, в той или иной степени проявляющими себя в заимствованиях или/и в топонимах. К таким языкам было принято относить и язык тартессийских надписей.

Обращаясь к раннему континентальному кельтскому материалу, мы должны отметить, что многие исследователи, естественно, понимают, что определенные и довольно многочисленные народности, не оставившие письменных памятников, но описываемые античными авторами как кельты, с одной стороны, и атрибулируемые как кельты археологами, с другой, должны были говорить на каком-то языке, который также, скорее всего, принадлежал к кельтской группе языков. Подтверждение кельтского языкового присутствия проявляется

обычно в топонимах и редкой ономастике², но не более того, и говорить о том, например, каким мог бы быть язык боев и чем он мог бы отличаться от языка скордисков, совершенно не принято, что в общем понятно. Но, повторяем, во всех подобных случаях речь идет о народах уже известных как кельтские, кроме того – о достаточно поздних периодах (после середины I тыс. до н. э.), описанных античными авторами и оставивших много археологических данных.

Совершенно иную ситуацию мы встречаем в случае с предполагаемым тартессийским языком. В том, что касается археологии, то Тартесс, находящийся на юго-западе Иберийского полуострова и известный античному миру как важный политический и особенно – экономический (торговый) центр уже в VIII–VII вв. до н.э., не демонстрирует никаких специфических «культурных черт» (керамика, оружие, орнаментика, ювелирные изделия и пр.), которые могли бы продемонстрировать его связь с древним кельтским населением Европы. Однако, как полагает Дж. Кук, это вполне логично, т.к., согласно его теории, кельты, осевшие в этом районе, во-первых, отделились слишком рано, когда еще просто не сформировались не только основные черты Латенской культуры, но не существовало и так называемого Гальштадского единства. Во-вторых, как он пишет, «длительные контакты с финикийцами привели к ориентализации материальной культуры Тартесса» (с. 13).

Другие «традиционные ориентиры», как кажется, гипотезу Дж. Кука скорее подтверждают. Так, сам топоним Tartessos (видимо, и соответствующее название реки), он предлагает возводить к общекельтскому корню *tart- ‘сухость, жажда’ (к и.-е. *ter-s- ‘сухой’, вокалическое развитие см. в [Matasović 2009: 371], где топоним, естественно, не приводится). Данная этимология топонима предлагалась Дж. Куком в ряде устных выступлений, а также в выпущенном им два года назад «Атласе кельтских исследований» [Koch 2007]³. Но, говоря строго, эта этимология в качестве предположительной уже предлагалась в ряде работ, отмечающих «кельтский элемент» в тартессийских надписях, о чем еще годом раньше писал П. Симс-Вильямс: «Я не решаюсь соотносить Tartessos с кельтским *tartu ‘сухость, жажда’,

² См., например, работы отечественного лингвиста А.И. Фалилеева, в настоящее время также работающего в Аберистуите, Университете Уэльса [Фалилеев 2006; Falileyev 2005; 2006; 2007].

³ См. критическую рецензию на «Атлас» [Falileyev 2008].

хотя это и соответствует тамошнему климату» [Sims-Williams 2006: 226]. В принципе, предложенная Куком этимология топонима представляется лингвистически возможной и даже – семантически мотивированной, однако сама ее возможность является допустимой только при условии, что сам топоним – кельтский, что все же остается лишь предположительным (ср., например, эстонский город *Tartu*).

На первый взгляд, еще более очевидным свидетельством в пользу теории Кука является тот факт, что у римских авторов (например, у Плиния, *Naturalis historia*, 3.13) упоминается племя *celtici*, живущее на юго-западе Иберийского полуострова и «разделяющее с кельтиберами язык, религию и названия крепостей». На самом деле, согласно его предположению, кельтиберы, жившее севернее и поселившиеся там позднее, лингвистически и этнически отстоят от тартессийцев уже очень далеко, и поэтому слова Плиния он объявляет «не стоящими внимания»⁴ (с. 128).

Что касается ономастики, то тут как раз и находится главный козырь Дж. Кука и его более осторожных предшественников – сторонников «кельтского элемента» в тартессийском (см., например: «в этом языке присутствуют индоевропейские элементы, некоторые из которых кажутся кельтскими» [Vilar 2004: 65]). В Книге I (гл. 163) у Геродота упоминается имя царя Тартесса – Аргантоний (*Arganthonios*), в котором явно просматривается и.-е. обозначение серебра. Мы с этим не спорим, однако не уверены, что этот элемент дает основание считать имя кельтским, а не, например, итальянским.

Что касается «античных авторов», свидетельства которых часто привлекаются в качестве важного аргумента в пользу этнической атрибуции населения той или иной области, то тут как раз, как нам кажется, аргументация Дж. Кука представляется очень интересной и верной. Он исходит из известного свидетельства Геродота о том, что кельты живут у истоков Истра (Дуная) у Геркулесовых столпов (...). Заведомо ложное высказывание типа *Он живет в Москве на Невском проспекте*, содержащее в себе ошибочную посылку, может, естественно, быть истолковано двояко: 1) кельты живут у истоков Дуная и 2) кельты живут у Геркулесовых столпов. В любом случае ошибочным оказывается размещение истоков Дуная на Иберийском полуострове, но при этом традиционно считалось, что связь кельтов с Истром – истинна, а с

⁴ Так мы поняли его мысль. На самом деле, в книге вместо английского выражения *is worth nothing* «не имеет цены» стоит – *is worth noting*, что является либо опечаткой, либо – игрой слов («следует отметить?»).

Геркулесовыми столпами – ошибочна⁵. Кук же предлагает расценивать фразу Геродота противоположным образом и видеть в ней свидетельство наличия какого-то кельтского народа на юге Иберийского п-ва уже в V в. до н. э. и широкого знания об этом⁶.

Вернемся к книге. Собственно говоря, большую ее часть (с. 22–78) составляет собрание самих тартессийских надписей (85), часть которых снабжена фотографиями или четкими прорисовками, выполненными самим автором на очень высоком уровне, прочтениями автора на уровне тартессийского алфавита, затем дается предположительная условная фонетическая транслитерация, затем – предположительный перевод. Многие надписи публикуются впервые, а их фотографии были сделаны самим автором в запасниках музеев Португалии. Таким образом, эта часть оказывается очень ценной, поскольку содержит редкий материал, и читатель получает возможность не только ознакомиться с интерпретациями Дж. Кука, но и попробовать при желании дать свои прочтения (которые могут оказаться совсем другими). Все надписи представляют собой надгробия разной степени сохранности. Все они написаны неким субвариантом финикийского письма, который затем был заимствован и иберийцами, и кельтиберами. При этом, как известно, графемы могли искажаться, усложняться и добавляться, с одной стороны, и менять свой фонетический план содержания, с другой (например, кружок, практически всюду передающий звук [o] в иберийском алфавите читается как [e]). Поэтому мы не знаем точно, как именно прочитывались те или иные графемы в тартессийских надгробиях, что уже заранее, так сказать «по определению» ставит все реконструкции Кука под сомнение (сложность этой проблемы признается в Предисловии к книге и им самим). Не можем мы быть уверены и в направлении чтения надписи, т.к. хотя на уровне отдельного отрезка текста очевидно направление – справа налево, как видно по наиболее хорошо сохранившимся надгробным камням, текст надписи в целом размещался на них по спирали

⁵ Например: «Археологические исследования с большей степенью достоверности доказывают, что берега Верхнего Дуная были прародиной кельтов, откуда некоторые племена переселились в Испанию, а чуть позже в Италию и на Балканы. Таким образом, на одну и ту же точку (истоки Истра. – Т.М.) на карте указывают два источника информации» [Пауэлл 2003: 12].

⁶ Конечно, мы опираемся на авторитеты, однако хочется предположить, что Геродот мог иметь в виду и два локуса обитания кельтов.



Рис. 1
предположительное прочтение:
lokobo niirabo to afaiu
I kalte loko
n ane narke kakišiiin
kolobo
o ii terobar
cbetea
siioonii (с. 22)

(см. рис. 1), и мы не знаем точно, какая именно сторона прямоугольника считалась исходной. Проблему составляет и словоделение. Поэтому, повторяем еще раз, книга Дж. Кука, как бы ни отнеслись мы к его теории, ценна тем, что делает доступным редкий эпиграфический материал VIII–V вв. до н.э.

Вторую часть книги составляет словарь реконструированных лексем с их предположительными этимологиями и сопоставительными данными из других кельтских языков. Затем приводится список фонетических черт, которые собственно и позволяют автору отнести тартессийский язык к кельтской группе. Книгу завершает исторический очерк (отчасти повторяющий Предисловие), в котором описывается предположительная история того, как кельты из Центральной Европы могли попасть на юго-запад Иберийского полуострова, приводятся карты и в заключение высказывается идея о том, что именно из этого региона в дальнейшем происходило заселение Британских островов, причем не как военная экспедиция, а мирным путем, в поисках «новых рынков». Более того,

автор предлагает отказаться от традиционного скептического взгляда на ирландскую псевдоисторическую компиляцию XI в. «Книгу захватов Ирландии», согласно которой предки современного населения острова приплыли из Испании, и рассматривать ее как серьезное историческое свидетельство!

Не имея возможности остановиться подробно на предложенных автором реконструкциях и их интерпретациях, выскажем кратко лишь отдельные соображения.

Так, наиболее часто встречающимся словом является *narke* (в разных формах), в чем автор видит глагол с общим значением «связывает, задерживает, делает/пребывает неподвижным». Ср. например, краткую надпись: *akolios narke ti* – (предположительно) *Аколиос здесь покоится*. Дж. Кук соотносит этот глагол с греч. *ναρκάω* «замираю, застываю; умираю» (к и.-е. **(s)ner-*, IEW 976, кельтских данных нет). На и.-е. уровне Кук реконструирует нулевую ступень **nr-k-*. Но известно, что все кельтские языки объединяет развитие и.-е. слоговых сонантов *r, l* в *-ri-*, *-li-*. Ср.: валл. *rhyd*, галльск. *Ritu-* «брод» < и.-е. **prt-* (лат. *portus*, англ. *ford*); др.ирл. *lethan*, валл. *llydan*, галльск. *Litano-* «широкий» < и.-е. **pl-* (греч. *Πλαῖός* и пр.). Поэтому предположительная кельтская форма была бы **nri-ke/*nirke*, понимая это, Дж. Кук объясняет некейтский вокализм соображениями фонотактики (с. 112). И так – постоянно. Реконструкции надписей напоминают решения задач с уже известными ответами, и практически каждое слово вызывает вопросы или возражения! Например, в приведенной нами надписи автор выделяет как синтагму – *kakišiiinkolobo* и считает, что это может означать «каждый герой», исходя из того, что первые два слога могут соотноситься с общекейтским **kwākwō-* «каждый», к и.-е. **kwōkwō-* (IEW 645). На базе этого слова он приходит к важному выводу, что тартессийский язык не был *p*-языком, поскольку сохранил рефлекс и.-е. глухого лабиовелярного. Однако переход и.-е. долгого *ō* в долгое *ā* не фиксируется на общекейтском уровне и считается относительно поздним процессом, еще не отмеченным в кельтиберском. Таким образом, в еще более раннем тартессийском должно было бы быть долгое *ū*!

Приведенный на с. 122–123 список кельтских фонетических черт (падение и.-е. *p*, переход звонкого лабиовелярного *gʷ > b* и пр.), естественно, возражений не вызывает, но ведь и автору книги он тоже давно и хорошо знаком!

Итак, основная идея Дж. Кука – что язык тартессийских надписей является кельтским – не представляется убедительно доказанной. Но тем не менее, опубликованный в его книге эпиграфический материал, да и сам факт при-

влечения внимания к этим загадочным текстам – все это кажется важным и просто – очень интересным. Если мы согласимся с прочтениями автора, то мы скорее всего действительно увидим в надписях много индоевропейских черт (например – в глагольных и именных флексиях), однако – не обязательно кельтских. Но тогда каких же? Возможность существования на территории Иберийского п-ва в середине I тыс. до н. э. каких-то индоевропейских, но не кельтских племен была в свое время высказана археологом А. Товаром (в [Товар 1986]), а затем поддержана историком Г. Биркханом (в [Биркхан 2007]). Наверное, настало время высказать свое мнение и лингвистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биркхан 2007 – Г. Биркхан. Кельты. История и культура. М., 2007.
- Пауэлл 2003 – Т. Пауэлл. Кельты. Воины и маги. М., 2003.
- Фалилеев 2006 – А.И. Фалилеев. Восточные Балканы на карте Птолемея. Критико-библиографические разыскания. München, 2006.
- Falileev 2008 – A.I. Falileev. Rev.: J.T. Koch et al. An atlas for celtic studies: Archaeology and names in Ancient Europe and Early Medieval Ireland, Britain and Brittany // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2008. V. 14.
- Falilejev 2005 – A.I. Falilejev. In search of Celtic Tyllis: Onomastic evidence // New approaches to Celtic place names in Ptolemy's geography. Madrid, 2005.
- Falilejev 2006 – A.I. Falilejev. The Celtic presence in the Central Balkans: Evidence of place-names // Orpheus. 16. 2006.
- Falilejev 2007 – A.I. Falilejev. Celtic Dacia. Personal names, place-names and ethnic names of Celtic Origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwyth, 2007.
- Koch 2007 – J.T. Koch et al. An atlas for Celtic studies: Archaeology and names in Ancient Europe and Early Medieval Ireland, Britain and Brittany. Oxford, 2007.
- Matasović 2009 – R. Matasović. Etymological dictionary of Proto-Celtic. Leiden, 2009.
- Sims-Williams 2006 – P. Sims-Williams. Ancient Celtic place-names in Europe and Asia Minor. Oxford, 2006.
- Tovar 1986 – A. Tovar. The Celts in the Iberian peninsula: archeology, history, language // K.H. Schmidt, R. Koderitzsch (Hrsg.). Geschichte und Kultur der Kelten. Vorbereitungskonferenz 25–28 Oktober 1982, Bonn. Heidelberg, 1986.
- Vanséveren 2008 – S. Vanséveren. A «New» ancient Indo-European language? On assumed linguistic contacts between Sumerian and Indo-European «Euphratic» // The journal of Indo-European studies. 2008. V. 36. № 3–4.
- Vilar 2004 – F. Vilar. The Celtic language of the Iberian peninsula // P. Baldi, P. Dini (eds.). Studies in Baltic and Indo-European linguistics in honor of William R. Schmalstieg. Philadelphia, 2004.
- Whittaker 1998 – G. Whittaker. Traces of an Early Indo-European language in Southern Mesopotamia // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft. I. 1998.

Т.А. Михайлова